

в Греции и Румынии, в Сицилии и Южной Италии и на Кавказе, у южных славян и на Руси, где еще при Игоре существовала церковь во имя пророка. Его праздник (у нас и пятница, ему предшествующая) соблюдался свято...».⁴⁵

Мне представляется несомненной соотнесенность имени Илюшечки и роли данного героя в «Братьях Карамазовых» с именем и ролью этого святого. В другом месте и на другом основании (не в историко-литературном плане, а в плане поэтики) мне уже приходилось писать о том, что Илюшечка Снегирев и вся его история с отцом и Митей служат самым решительным аргументом автора против богоборческих и философских построений Ивана, как они выразились в главах «Бунт» и «Великий инквизитор».⁴⁶ Здесь я только их кратко повторяю.

Иван начинает свой бунт из-за слез хотя бы одного ребенка. Он приводит факты страдания детей и заключает свое рассуждение той мыслью, которая предшествует его поэме и которую я привела вначале: безнравственно быть архитектором здания человеческой гармонии, если в основании этого здания лежит замученный ребенок. По мысли Ивана, именно бог и является таким архитектором («Бунт»). Вслед за отрицанием Иван развивает собственную положительную программу («Великий инквизитор»). Но вот по этой программе неизбежно должны страдать взрослые, а стало быть — отцы. Вспомним сотню сожженных еретиков в один только день *ad maiorem gloriam Dei* (9, 312), нелестные высказывания о взрослых в главе «Бунт»,⁴⁷ отношение Ивана к взрослым, которые его окружают (к отцу, Мите, Грушеньке, Катерине Ивановне, пьяному мужичонке, Максиму, приставу на суде и т. д.), вспомним его роль в «катастрофе», происшедшей с его отцом Федором Павловичем. Вот это-то обстоятельство и служит обличению героя.

Дело в том, что Илюша, который, казалось бы, по всем признакам должен был «восполнить число» в коллекции Ивана, страдает не за себя, а за ничтожного и жалкого шута, своего отца. Картина страдания этого ребенка за оскорбление и унижение его отца, штабс-капитана Снегирева, выписана Достоевским вполне красноречиво. Он «один против всех, — рассказывал штабс-капитан Алеше, — восстал за отца. За отца и за истину-с, за правду-с. Ибо, что он тогда вынес, как вашему братцу руки целовал и кричал ему: „Простите папочку, простите папочку“ — то это только бог один знает да я-с» (9, 258). С этого дня, как говорится в романе, и начинается смертельная болезнь Илюши.

Итак, Илюша страдает (и умирает) за отца, а именно им, отцам, несет страдание и гибель положительная программа Ивана, его способ устроения всеобщей гармонии. Страдание и гибель отцов означают страдание и гибель детей — вот мысль Достоевского, и история Илюши ярче, чем другие факты романа, свидетельствует об этом. Поскольку в романе страдание отцов неизбежно означает и страдание детей, именно Иван, сам того не разумея, становится архитектором здания, в основании которого лежит замученный ребенок. «Что ты, Иван, что ты? — сказал как-то в горе и изумлении Алеша, — ... ты обижаешь ребенка!» (10, 116). Так высказанную Иваном мысль автор оборачивает против сказавшего. Взрослые и дети неразрывно связаны в романе. Вот почему того же Илюшу (и это

⁴⁵ А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха... стр. 347.

⁴⁶ В. Е. Ветловская. Отношение автора к речи персонажей («Братья Карамазовы» Достоевского). — ИЮЛЯ, т. XXVIII, М., 1969, вып. 4, стр. 327—329.

⁴⁷ Например: «Я не говорю про страдания больших, те яблоко съели, и черт с ними, и пусть бы их всех черт взял...» (9, 304).